

ОЛЕГ АЛЬБЕРТОВИЧ ДОНСКИХ

Специалист в области философских проблем языкознания, истории античной и русской философии, философских проблем филологии.

Родился в 1952 г. в Ленинграде. Окончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета (1974), аспирантуру Института истории, филологии и филологии СО АН СССР (1981).

Кандидат философских наук с 1981 г.

Доктор философских наук с 1989 г., PhD с 2001 г.

Преподавал на кафедре философии СО АН СССР, в Новосибирском госуниверситете, был зав. лабораторией языков и культуры коренных народов Сибирского Севера ИПОС СО АН СССР.

Один из основателей и директор экспериментальной школы «Диалог» (Новосибирск).

Основные публикации:

- Происхождение языка как философская проблема. – Новосибирск, 1984.

- Проблема описания лингвистических концепций в их истории // Исследовательские программы в современной науке. – Новосибирск, 1987.

- К истокам языка. – Новосибирск, 1988.

- Текст как явление культуры (в соавт.). – Новосибирск, 1989.

- Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии (в соавт.). – М., 1993.

- История мировой культуры: Курс лекций. (в соавт.). – Новосибирск, 1994. – Ч.1.

- Страх воли // Новый журнал. – Нью-Йорк. – 1997. – №207.

- Russian Philosophy as an Expression of Russian National Consciousness (Thesis, Ph.D., Monash University, Melbourne, Australia).

- Остров Элтам (или Одна счастливая русская жизнь) // Подъем. – 2004. – №7–9.

Более 80 научных статей.

E-mail: olegdonskikh@yandex.ru

О ХРУПКОСТИ И ЕДИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

О медитациях Джона Донна

Перед тем, как я сделаю последний выдох, дайте мне вдохнуть большой любви.

Джон Донн

Любовью называется жажда целостности и стремление к ней.

Платон

Очевидно, что искусство, наука, политика, давая содержание отдельным стремлениям человеческого духа и удовлетворяя временным историческим потребностям человечества, вовсе не сообщают абсолютного, самодовлеющего содержания человеческой индивидуальности, а потому и не нуждаются в ее бессмертии. В этом нуждается только любовь, и только она может этого достигнуть.

В.Соловьев

«Медитации» Джона Донна примыкают к жанру, который был популярен в эпоху Возрождения, но постепенно, с потерей веры утратил свое значение, – к жанру, трактующему приготовление к смерти. Особенно известными в Англии начала XVII в. были такие книги как «Искусство и умение хорошо умереть» анонимного автора и «Об искусстве доброй смерти» Роберта Беллармина. Основная идея этих работ состоит в том, что без ежеминутной и ежесекундной поддержки Бога человек не способен ни достойно жить, ни достойно умереть. Как Джон Донн говорит в «Увещании» к первой «Медитации»: «...Рука Бога вылепила меня из праха, и ладони Господа соберут пепел; рука Бога была гончарным кругом, на котором глиняный сосуд обрел свою форму, и ладонь Господа – та урна, в которой будет сохранен мой прах»¹. Это было позднее Возрождение, но это еще было время веры. Джон Донн, младший современник У.Шекспира, друг Кристофера Брука и Бена Джонсона, – один из тех, кто создавал Новое время. И ту поэзию, которая соединила Новое время с вечностью.

Две медитации (двенадцатая и семнадцатая), два размышления – одно о хрупкости человека, о хрупкости жизни, другое – о единстве человечества. В двенадцатом, имея в виду свою болезнь, Донн говорит о ничтожестве причин смерти человека – «Что неспособно убить человека, если это может сделать испарение? Как велик слон, которого уничтожает ничтожная мышь!...»² Человек никак не может противостоять своей смерти, потому что он сам убивает себя своим дыханием... Это происходит ненамеренно, этого никто не хочет, ни он сам, ни его друзья и недруги. Это природа, против которой бессмысленно роптать. Эти заразные испарения разрушают тело как гнусные слухи разрушают государство. Государство разрушают не подосланные агенты, а сами жители. И как государство разрушают люди, составляющие его, так и мерзостные испарения, убивающие человека, порождаются

¹ «...The Lord's hand made me of... dust, and the Lord's hand shall re-collect these ashes; the Lord's hand was the wheel upon which this vessel of clay was framed, and the Lord's hand is the urn in which these ashes shall be preserved» // John Donne. The Major Works. Ed. with intr. and notes by John Carey. – Oxford, 2000. – P.334–335.

² «What will not kill a man if a vapour will? How great an elephant, how small a mouse' destroys!». – Ibid. – P.338.

им самим, его природой. Человек – палач самого себя. Если бы это было только так, то не было бы никакой надежды.

И вот в семнадцатом размышлении – самые знаменитые строчки Джона Донна: «Ни один человек не остров, замкнутый в себе, каждый человек – это кусок континента, частица единого целого; если море смывает часть суши, Европа становится меньше, как если это был бы мыс, как если это была бы усадьба твоего друга, или твоя собственная; смерть любого человека делает меня меньше, потому что я – часть человечества; и поэтому не посылай узнавать, по ком звонит колокол; он звонит по тебе»³. Такие слова делают автора великим, а человека бессмертным. Потому что выводят за пределы обыденного и дают силу прикоснуться к вечности. Человек должен встретиться с Богом и тогда, преодолевая свою природу и осознавая, что он часть человечества, он реализует свое право на бессмертие.

Вечность непостижима, значит «прикоснуться к вечности» – это прикоснуться к чему-то такому, что находится за пределами нашего сознания, к тому, присутствие чего мы чувствуем, но не можем постичь в понятиях. Вечность как рельсы-секунды, ведущие из ниоткуда в никуда. А мы видим только кусочек этой железной дороги и не знаем ни того, откуда она идет, ни того, куда она может привести, и пытаемся не только не заглядывать за горизонт, но даже стараемся лишней раз избежать даже взглянуть в сторону горизонта. Человек слишком хрупкое существо, чтобы вынести без поддержки Бога идею вечности. Эта идея слишком тяжела в сравнении с идеей собственной хрупкости человека. Нечто вполне ничтожное в сравнении с телом может погубить это тело, больше того, человек сам носит в себе смерть и своим заразным дыханием может убивать других. Так и государство может погибнуть от клеветы, от сплетни, от лжи... И государство поэтому хрупко, как отдельный человек.

Размышления написаны человеком, который пережил болезнь, едва не приведшую его к смерти. И хотя он не говорит о любви, а говорит о единстве, сквозь единство сияет любовь. Единство же всего человечества, которое преодолагает хрупкость и одиночество отдельной жизни, изначально создается Богом через любовь. Потому что Бог и есть любовь. Ведь Бог – творец, а действие творения есть высшая форма преодоления эгоизма. Потому что Бог есть все. Он есть полнота бытия. В отличие от любого известного нам существования Бог самодостаточен, Он обладает тем полным существованием, которое в принципе не требует никакого другого существования для того, чтобы Его бытие стало полнее и богаче. Поэтому акт творения – это акт абсолютного альтруизма, абсолютной любви.

Здесь надо оговориться: современный человек относится к Богу как к ребусу. Обсуждаются вполне бессмысленные вопросы о том, существует Бог или нет, а если существует, то какими качествами он обладает, и т.п. В общем, человечество напоминает жалкого Берлиоза из романа «Мастер и Маргарита», который с важненьким видом доказывает дьяволу, тоскующему по своему господину, что Бога не существует. А обсуждаются эти вопросы чаще всего только потому, что само принятие всерьез идеи Бога очень ответственное дело: оно накладывает серьезные обязательства, оно ставит человека на трудный путь бесконечного совершенствования. Проще героически взять ответственность на самого себя, а потом снизить все планки до среднестатистического уровня обыденности. А вопросы о божественном или отставить в сторону, или забалтывать.

³ «No man is an island, entire of it self; every man is a piece of the continent, a part of the main; if a clod bee washed away by the sea, Europe is the less, as well as if a promontory were, as well as if a manor of thy friend's or of thine own were; any mans death diminishes me, because I am involved in mankind; and therefore never send to know for whom the bell tolls; it tolls for thee». – Ibid. – P.344.

Единство человека – это сначала и в первую очередь единство его души и тела. В проповеди, которую Джон Донн произнес на пасху 28 марта 1623 г., он говорил: «По природе душа и тело объединены. Когда их разъединяет смерть, это противно природе, они существенно зависят от этой связи; и, соответственно, душа при разделении становится менее совершенной. Потому что быть отделенной от тела вряд ли является совершенным естественным состоянием души, которая должна быть вместе с телом. И если это единство [когда совершенная душа обитает в теле] длится какое-то сравнительно небольшое время, а несовершенное, отделенное состояние души длится вечно, то нужно верить, что либо тело должно опять вернуться к жизни, либо что душа должна умереть»⁴. Душа и тело переживают развод, чтобы потом соединиться вновь. На этом основана христианская вера в телесное воскресение человека после смерти – «Чаю воскресения мертвых; И жизни будущего века» (это из молитвы «Верую», по латыни – «*Credo*», отсюда, кстати, и соответствующее слово в русском языке). Мотив телесного воскресения – один из важнейших в духовном мире Джона Донна. Он постоянно возвращается к нему, он доказывает, что Бог создал для человека не только бессмертную душу, но и «бессмертное тело, которого он не дал даже ангелам». И когда люди любят друг друга, то единство двух – это единство душевно-телесное, а не только душевное или только телесное. И это один из важнейших мотивов любовной лирики Джона Донна.

Вот, например, отрывок из стихотворения «Прощание, воспрещающее печаль»:

...А нашу страсть влеченьем звать
 Нельзя, ведь чувства слишком грубы;
 Неразделимость сознавать –
 Вот цель, а не глаза и губы.
     Связь наших душ над бездной той,
     Что разлучить любимых тщится,
     Подобно нити золотой,
     Не рвется, сколь ни истончится.
 Как ножки циркуля, вдвойне
 Мы нераздельны и едины.
 Где б ни скитался я, ко мне
 Ты тянешься из середины.
     Кружась с моим круженьем в лад,
     Склоняешься, как бы внимая,
     Пока не повернет назад
     К твоей прямой моя кривая.
 Куда стезю ни повернуть,
 Лишь ты – надежная опора
 Того, кто, замыкая путь,
 К истоку возвратится скоро.

(Пер. Г.М.Кружкова)

Но над этим *единством любящих* возвышается *единство в любящем*, в Боге. Джон Донн говорит о единстве человечества в церкви, не в храме, а в церкви как собрании, сообществе верующих, связанных таинством причастия в одно целое, в одно тело.

⁴ «Naturally the soul and body are united, when they are separated by death, it is contrary to nature, which nature still affects the union; and consequently the soul is the less perfect, for this separation; and it is not likely, that the perfect natural state of the soul, which is, to be united to the body, should last but three or four score years, and in most, much less, and the unperfect state, that in the separation, should last eternally, for ever: so that either the body must be believed to live again, or the soul believed to die». – Ibid. – P.324.

В семнадцатой медитации он говорит о «католической, всеобщей церкви», о том, что все ее действия, все, что она делает, принадлежит всем – «Когда она [церковь] крестит ребенка, это действие относится и ко мне; потому что через это действие ребенок приобщается к той голове, которая принадлежит и мне, он прививается к тому же телу, к которому принадлежу и я»⁵. При этом Джон Донн, конечно, цитирует слова из уже упомянутой молитвы «Верую» – «Верую во единую, святую, соборную и апостольскую церковь». «Соборная» в английском варианте этой молитвы «*Catholic*», «католическая». Соборный, собранный, единый. И, кроме того, конечно же, он имеет в виду образ апостола Павла, который сказал, что церковь есть тело христово. Церковь – это не административная иерархия, а единство верующих. Но единство не как просто группа объединенных организационно людей, а именно единство, в том смысле, что каждый человек – необходимый лист в книге человечества. Его так же нельзя вырвать, как нельзя вырвать лист книги – будет пропуск. Книга будет неполной. И при этом на каждом листе написано что-то свое, неповторимое. Потому что это именно книга, а не книжечка, подобная книжке квитанций с одинаковыми листочками. И еще: эта книга про живых и мертвых (только про мертвых написано лучше, потому что эти листы уже переведены на другой, более тонкий язык). И единство человечества – это книга всех – мертвых, живущих и тех, кто придет в этот мир.

Джон Донн живет с острым сознанием собственной греховности и несовершенства. И то же относится к другим людям. Зачем же тогда хранить это несовершенство и хранить вечно? Зачем и как же сшиты листы-люди в единую книгу человечества? Здесь есть только одно и невозможно другое оправдание и объяснение: они сшиты чудом любви. Они соединены любовью сверхчеловеческой и дарованной человеку как чудо. Творец и творение вместе образуют сверхмыслимое единство. Микрокосм становится макрокосмом, малый мир раздвигается до большого мира. Одиноким, изолированным человеком (одинокая, заброшенная вселенная) отделен от самой жизни и поэтому не может взглянуть в глаза Творцу. Но чем больше он растворяется в других, чем больше микрокосм раздвигается до макрокосма, тем чище и свободнее он становится перед Богом. Парадоксальным образом оказывается, что растворяясь, человек утверждается, становясь меньше, он растет, растрачивая свет своей души, он становится все светлее, и, сгорая, он готовит себя к вечной жизни.

В одном из Священных сонетов, написанных примерно за десять лет до медитаций, Джон Донн представляет эту картину таким образом:

Я – микрокосм, искуснейший узор,
Где ангел слит с естественной природой,
Но обе части мраку грех запродам,
И обе стали смертными с тех пор...
Вы, новых стран открывшие простор
И сферы, что превыше небосвода,
В мои глаза для плача влейте воды
Морей огромных: целый мир – мой взор –
Омойте. Ведь потоп не повторится,
Нет, алчностью и завистью дымясь,
Мой мир сгорит: в нем жар страстей таится...
О, если б этот смрадный жар погас!
И пусть меня охватит страсть другая –
Твой огонь, что исцеляет нас, сжигая!

(Пер. Д.В.Щедровицкого)

Конечно, для современного человека все эти рассуждения представляются сомнительными, а образы – далекими. Но уже то, что Англия, страна, которая стала пионером индустриализации, должна была пройти этап веры перед тем, как рухнуть в бездну прогресса, заставляет задуматься об извилистых и непредсказуемых путях истории. Ее творцами были люди, подобные Джону Донну, у которых гордое сознание того, что они являются образом и подобием Бога, совмещалось с почти непереносимым сознанием греховности и несовершенства. И только вера в божественную любовь, которая делает всех единым целым и не дает без остатка раствориться в бесконечном пространстве и в вечности, поддерживала и вдохновляла их.